

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧЕВ (СКВЕР)

Аметистовые Грозы

Владимир Ильичев (Сквер) Аметистовые Грозы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17799414
ISBN 9785447447243*

Аннотация

...И молния в джинсовой ткани летит архисказочно вниз...
«Аметистовые Грозы» – сборник любовной и философской лирики, преимущественно 2015 года написания. Книга-мечтание, книга-посвящение, книга-подарок. Несмотря на то, что автор фреГАчит по меГАмиру подчёркнуто определённым и парадоксально хаотическим курсом, некоторые произведения могут заинтересовать и стороннего читателя – если тот понимает любовь как счастье без хомута, а творчество как доступ к чудесам и продолжение космоса красоты.

Содержание

С двадцаточкой, принцесса!	6
Нелегал	8
От крыл	9
«Витиевато выражаясь...»	10
На сине-белом и чёрно-звёздном	11
Гармония стучащего движка	13
Вольфрам	15
Сумбурёнок по имени Прив	17
Оригами	19
авиа	21
А. Г.	22
Привет, я скучаю	24
гАрмоНиЯ	26
«Вы поменяли фото в профиле —...»	27
Легков...	28
Остров	30
«Господь играет в баскетбол...»	32
«В её улыбке и молчании...»	34
«Тряси, тряси меня, трясина...»	35
звездА!!Гори	36
Сколько раз?	38
Мммутант	41
Сумка	42

«Светилу не нужно ответных лучей...»	44
Взгляд мечты	45
Н. а. с.	46
А	48
От вечного	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Аметистовые Грозы

Владимир Ильичев (Сквер)

*В тяжёлый час невзгод грустить не стану,
А за окном, где воет ветер лютый,
Я вновь увижу жаркую саванну
И жирафёнка с именем Анюта.*
Сергей Данилов, 1980

© Владимир Ильичев (Сквер), 2016

© www.freedigitalphotos.net Boykung, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С двадцаточкой, принцесса!

Как хочется забавать
цветущую строку...
Тебе сегодня – двадцать!
Судьба мне, дураку —
с утра искриться датой
в твоём календаре,
и с ночью непочатой
в своей тужить норе.

Как хочется с печалью —
начать гитарный бой...
Потом, блестя медалью,
быть встреченным тобой.
Потом по Зафевралью
помчать с тобой в поля,
с лазурной слиться далью,
тандемом в ней руля.

Но силы инструмента —
на фронте Шевчука,
он дважды Ю, легенда,
а я... три тчк.
Как хочется заплакать,
сейчас, вот здесь, в углу,

заквасить, и заквакать —
в надежде на стрелу.

Стрелу чужой принцессы,
которой – двадцать лет,
и все велоэкспрессы —
101-ый килобред.

С двадцаточкой, принцесса!
Я выпью. За тебя.
Немножко. Для компресса
на чувство... жития.
С двадцаточкой, Анетта!
Искрю, из уголка.
Будь счастлива! Как эта
цветущая строка.

03.02.2015

Нелегал

Молчание – золото.
А золото – очень тяжёлый металл.
Сегодня так холодно.
Февраль так богато меня пропитал.

Дышать получается.
Сквозь золото можно и нужно дышать.
Усталость – молчаливица
для пепельных гор после пачки стишат.

В сознании согнуто
желание глотку взлохматить в ночи...
Молчание – золото.
Молчи, нелегальный мой прииск, молчи.

От крыл

Мне много-много лет. И я любил...
И всех, кого любил – когда-то бросил...
Но как бы я тебя, скажи, открыл —
когда б не та надорванная осень?

Когда б не те гуляющие лета?
Когда б не тот задор – конечно, глупый?
Не смею отвлекать... Ты занята.
Усну... читая сомкнутые губы.

«Витиевато выражаясь...»

Витиевато выражаясь
(как предпочёл и предпочту) —
ушёл я в минус, умножаясь
на плюсотворную мечту.

И у меня одно осталось:
надежда — каменнее львов —
на недосчитанную малость,
на разделённую любовь...

Но я ужасный математик,
а ты — психолог (лучше всех).
И только сны... мне понимать их
искомой суммой наших вех?

А львы сидят у входа в Числа,
невозмутимы и белы.
Над нами действие зависло,
а им — спокойно... ибо — львы.

На сине-белом и чёрно-звёздном

Устали небо на руках
держать атланты,
ушли, земное обругав,
ушли от мантры,
нашитой наспех там и тут
поверх молитвы.
Они обратно не придут.
Нет, не обидны,
законны — глыбы-облака
на годы фантов.
Но... на твоих уже руках
дела атлантов.
Стоишь, босая, на песке,
и небо держишь,
воссоздавая в лампе свет —
в перегоревшей,
мне показалось, навсегда:
привычно это.
Но почудеснее — звезда
дневного света.
Как много воздуха, воды,
песка... под небом,
и облака тобой горды
на сине-белом.

Кометной ниткой о тебе —
на чёрно-звёздном
строчит идеи кутюрье
для бренда «Космо».

Гармония стучащего движка

Не буду больше нервничать,
не буду больше ёрничать,
не буду больше умничать
по поводу пустот,

каких полно теперича
в глазах грязных и дворничих,
от Мышкина до Углича —
путём наоборот.

Тебе – моё внимание,
тебе – мои умения,
тебе – моя гармония
стучащего движка.

Ты типа наркомании,
но круче, ох... (с позволения),
ещё потустороннее
для бедного торчка.

Я сильно буду нервничать,
я нервно буду ёрничать
и умничать-безумничать —
едва теряя *н а с*.

Куда мне деться, девочка?
Вся жизнь – как этот вторничек.
Читаю руны... руница
в составе дозы глаз.

Вольфрам

Скажите мне, Анна, хоть слово ещё.
Не надо распахнутых – настежь – дверей.
От Вашей улыбки уже горячо,
от Вашего смайла, так будет верней.

Ужель так и будет? В ладони ответ —
линованным счастьем, неумной судьбой.
В ладони весь мир! А ладони в ней нет
и, стало быть, миру синоним – запой.

Запой же, БГ, разольём без дробей!
Нет, милая Анна, не Вам я, не Вам.
Курсором беру то левей, то правей,
но всюду – построенный Вами фигвам.

А впрочем, какой Вы строитель пока...
Я сам понастроил – свободы, и стен,
никак не допрыгну до кнопки звонка,
условного стука не помня совсем.

Вы слышали шорох. Спросили «кто там?» —
с улыбкой, и я переплавился в ней
из ягоды волка в полезный вольфрам,
условно полезный – так будет верней.

Теперь у фигвама подъезд освещён.
А я и в прихожей бы Вам посветил.
Скажите мне, Анна, хоть слово ещё,
пока меня бомж не сменял на метил.

Сумбурёнок по имени Прив

Таким бывает... приворот.
Вполне. Но ты не ворожила,
верней всего – наоборот,
я для тебя – дурак Страшила,
и ты меня отворотить
быстрейшим способом готова.
Хотя уместнее сравнить
меня с героем из другого
произведения... Я Волк,
и я люблю жену Наф-Нафа...
Такой сумбурный рэп-н-ролл.
Такой скелет по центру шкафа.
Такой отвязный таракан
по голове моей гуляет:
я всеми лапами в капкан —
а он по сказкам промышляет,
я по трубе – и в кипятке,
а он стихи в контакте пишет,
всё безнадёжней мой видок —
а он геройски мышью движет...
Прости, что я тебя сравнил
с какой-то хрюшкой. Хохма, шутка.
Но я опять поюморил —
а без тебя мне плохо, жутко.

И я обязан привыкать
к плохой и жуткой атмосфере.
Ведь мне тебя не отыскать.
Что остаётся? В сказки верить.
Другое дело, что во мне —
боезапас наивной веры,
а на своей тук-тук-волне —
я таракан для атмосферы.
Усы мои – тоски длинней,
пускай во мне стрела и шило...
Какая бяка (орден ей!)
меня к тебе приворожила?

Оригами

Ты река. Ты река Оригами,
ты стихия бумажных фигур
с чуть заметными мне берегами,
на одном я скажу: «Перекур»,

на другом – перестану возиться
и найду там, Бог даст, упокой,
а пока мой небесный возница
рассекает над белой рекой.

Я в карете шурую руками,
даже если трясёт и темно,
Наполняю тебя, Оригами,
что сложил – отправляя в окно.

Я обрезался краем бумаги,
угадай приблизительно – где...
Кровь коснется придуманной влаги,
и в живой растворится воде.

И у каждой волны будет имя —
всежеланное имя, твоё,
а рисунок – не схожий с другими,
многомерно моё забытьё.

Оригами. Сама в это слово
посмотрись: в нём до капельки – ты.
Перекур... И ещё не готово,
но свободные воды – чисты.

авиа

чтобы связаться с ней
нужно зарегистрироваться
или войти
а у неё колечко на пальце
до неё километры пути
километры
над спальным районом
над пропастью загса
я улетел
с микрофоном гранёным
чтобы связаться

А. Г.

Я хуже зимы – разбирался в цветах,
срывал их небрежно для жён и подруг,
десятки названий по снам раскидав,
с восточным клише: лишь бы пахло от рук.

И думать не думал, что могут цветы
воспеть – на цветочном – свою красоту,
не думал, пока не явилась мне ты,
сквозь чей-то асфальт на каком-то мосту.

«Маню тебя к ласке – маню тільки раз» —
раскрытого имени тайны легки,
а отзвук тяжёлый: «Даю тобі – в глаз!» —
резонно, давай, за былые грехи.

Поломан, потрескан, покрошен асфальт...
И божья коровка ползёт по тебе...
Как долго я спал? Что с того, что я – спал?
Проверил на ощупь: с фингалом теперь.

Тобой оглушён я, тобой поражён,
смотрю в зеркала – там зима и цветы,
каких не срывал для подружек и жён,
какие во сне подарила мне ты.

Привет, я скучаю

Привет, я скучаю.

Такие неновости зимнего дня,
который встречаю —
и холодно в кедах... но это фигня.¹

Мой чижик проснулся
и, как полагается, слева звучит,
и я вроде — с пульсом,
и солнце в оконце лучисто молчит.

«Привет, как дела, а?»²
Попсовенько, солнце, однако — твоё.
«Привет, как дела, Ань?» —
пусть лучше вот так твой андроид поёт.

А в общем-то, пофиг.
О текстах — потом. Я с приветом пришёл!
Не пей утром кофе.
Пей чистую воду. Учись хорошо.

Души ведь не чаю.
Зачем все игрушки мои забрала?!

¹ «Чиж & Со»

² T-killah

Пока. Я скучаю.

Пока я скучаю – Земля как юла.

гАрмоНиЯ

Гармония – она, она сама,
поэтому не надо ей письма
губами на заплаканном окне,
она сама – гармония,

во мне.

Не выдумав ни шанса на ответ,
в шкафу моём рассыпался поэт,
продолжив, бедолага, жить сполна:
молекулами ведает

она...

«Вы поменяли фото в профиле —...»

Вы поменяли фото в профиле —
и все миры закатастрофили,
они, как эта голова,
температурят и взрыва...

Но не жалеют о развитии,
достигнут пик — они Вас видели!
А Вы склонились к миротрофии —
и поменяли фото в профиле.

Вы поменяли фото в профиле,
и в белых сливках, в чёрном кофе ли —
родились новые миры
для продолжения Игры.

Игра идёт не по заданию,
и Вы склонились к мирозданию,
для этих строк в Мефаустофиле —
Вы поменяли фото в профиле.

Легков...

Так просто сделать пьяный шаг
в трясину, в жуткий бред.
Так сильно хочется дышать
и видеть волю, свет...

В краю болот нетрезвый ход —
он верный, напролом.
Бухал весь век лесник Федот.
Но я не под бухлом.

Я под убийственной красой,
изящной на изгиб.
Взглянул, отпил — и влип косою,
с хвостом, с ушами влип.

Так сложно выбраться назад,
нет силы, нет причин.
Так слабо верится, что ад —
вокруг меня шкворчит.

Скорее, ад оставлен там,
на воле, на свету,
где влаги не было мечтам,
хоть пил я красоту.

Взглянул, не вытерпел, шагнул.
Туда – куда влекло,
и потому душе ко дну
спускаться так легко.

Остров

Это не «влюблённость»,
и не та «любовь»,
нет же... это остров,
голый, в океане,
где мальчонкин Хронос
напрянул углов —
из раздумий острых
о девчонке Ане.

Махонький шалашик,
скромный островок
в тихом океане
чокнутой планеты...
До «чужих», до «наших» —
сто и сто дорог,
ноль и семь гаданий,
тщетных, по воде-то.

Это не влюблённость,
не любви куплет,
это волны-плечи
в сговоре с песками,
и мальчонке Хронос
подарил рассвет

из мечтаний вечных
о русалке Ане.

«Господь играет в баскетбол...»

Господь играет в баскетбол
моей пустой башкой,
башка послушно бьётся в пол —
расчерченный такой...
Господь играет не один,
с четвёркой ангелков,
а против них — квартет ундин
и Грешная Любовь.

Свисток и свита — в стороне
командуют игрой,
то задремать позволят мне,
то сразу баскетбой.
На всех трибунах — семь людей,
не очень важный матч.
Там нет возлюбленной моей,
хоть радуйся, хоть плачь.

Упал, вскочил, попал в кольцо,
в другое, вновь ничья...
Какое может быть лицо
у старого мяча?
Какая может быть любовь?
О чувствах колобка —

и то печется колобовь,
находится мука.

Но чем же я не колобок?
А тем, что я не хлеб...
Мной каждый день играет Бог —
и той команды кэп.
Ундины жарят ангелков,
а те, в ответ – ундин.
Господь и Грешная Любовь —
ничьи, один в один.

Когда я глухо стукнусь в пол,
сдуваясь и шипя —
судья продолжит баскетбол
моим похожим «я».
Но дайте ж мне тогда вдвойне
мячты и полусна,
в которых кто-то – обо мне
грустит с трибуны «А».

«В её улыбке и молчании...»

В её улыбке и молчании
я разрушаюсь всё отчаянней,
и это лучше эволюции,
когда века и смыслы – куцые.

В её молчании улыбочивом
понятен буду я всё шибче вам,
как если б сути нализаться, мням,
но это – болт цивилизациям!

Её улыбка и молчание —
увы, не вызовут врача ко мне,
и сами вылечат, без вызова,
а эскулапам – тоже – лысого...

Она молчит и улыбается,
а мне туда-сюда летается,
живётся мне – от века к вечному,
как бегунку по шву сердечному.

«Тряси, тряси меня, трясина...»

Тряси, тряси меня, трясина,
тебе не надо ведь бензина,
пока трясётся на крови —
тряси меня, трясина... рви.

Храни, храни меня, мой Боже,
раз до сих пор не изничтожил,
раз так тепло в сырой тени —
храни, пока не хорони.

Люби, люби меня, малышка,
когда моя тупая книжка
воткнётся в память уголком,
люби, люби меня... потом.

звезда!!Гори

Планетки по инерции
летят вокруг Звезды.
Она не дарит сердце им —
не смогут унести...
Она их, всё же, балует,
и светом, и теплом,
она века им жалует,
не парясь над числом.

Никто из них не ведает
её полночных тайн,
её привычки вредные —
не тема для прайм-тайм.
Но всем, вокруг вертящимся,
довольно и того,
что видно в ней, светящейся —
не важно, от чего.

Среди твоих поклонников
одна планетка — я,
мечтатель с подоконника,
приятель воробья.
Не знаю, как там прочие —
я, как Земля, живой...

И днём, и ближе к ночи я
с тобой, с тобой и твой.

Ко мне Луна всё клеится,
и звёзд я вижу... тьму.
А мне во тьму не верится.
Луна – моя Му-Му.
Планетка по инерции
летит вокруг Звезды...
Гори! Не надо сердца мне,
в моём – и так есть ты.

Сколько раз?

Сколько раз я впишу эту правду: «краса»,
«красота», «ты красуня», «красивая» —
в многотомник практических тем, в небеса,
копошась на земле со штативами?

Сколько раз я солгу на предмет облаков —
дескать, лёгкие? Нет же, тяжёлые...
Сколько раз я пополню войска дураков,
отчисляясь научными школами?

Сколько раз проведу параллель дурака —
к тонкой линии солнечной вечности
и, кляня благодарно графин кабака,
излохмачусь о дно этой нечисти?

Ты представь себе небо. И нет облаков,
нет ни солнца, ни дальше — созвездия...
Уползёт из-под ног и земля дураков.
Не ругай меня, юная бестия.

Не ругай, что принёс многотомник тебе
со стекляшками, с крошкой графинною.
Я не так безнадёжен, в строке, и в стекле,
если горы встают — над равниною.

Мои успехи глобалистов раздражают.
Мои провалы – в общей норме – незаметны.
Твой город спит, когда мне что-то угрожает.
Он – контролёр, когда живу я без билета.

Мои дороги к урожаям неизвестны.
А тупики – в прицелах спутниковых камер.
Твой город вырубил мои деревья-песни
и бросил краном в огород мне глыбу-камень.

Мои ответные ходы... нет, их не будет.
Пока не будет. Лишь бы ты была спокойна.
Всё остальное городской равно простуде,
которой морсы – отгружают, и достойно.

А что меня порой особенно ласкает —
так это знание твоих горячих клавиш:
моя студенточка душой – не городская...
Ты, может быть, когда-нибудь оттуда свалишь.

Я погулял по городам. Не понаслышке
знаком с недоброй суетой промеж бетона.

Держись, малыш... Тебе привет от сельской мышки —
с кошачьей ловкостью, вне общего закона!

Миммутант

Иногда я готовлю сейтан —
и названия новым цветам,
да такие, что сам не упомяну,
проще сотню сверхновых назвать...

Иногда я оладьи пеку —
и надежды, в их первом соку,
и тогда (иногда) – не огромна
неудач копьеносная рать.

Иногда я шинкую салат —
равнодушно, как Понтий Пилат,
иногда – как довольный ребенок
и, возможно (возможно), как ты...

Вот. Примерно такие дела.
Кулинарный талант я, мутант
в поле супер-еды из картонок,
где обычные вянут цветы.

Сумка

Что ты раскрылась, дорожная сумка?
Некуда ехать. Я встал – чтобы лечь.
Сумка, мы стёртые части рисунка.
Там – щит и меч. Или щит. Или меч.

Как тебе нравится эта диада
с неким подобием смысла – в щите?
Вот и меня на рисунке не надо.
Техника чуждая. Краски не те.

Можно поехать к родным и неблизким —
чтобы услышать, что я дезертир.
Можно к соратникам в области виски —
если нарыть номера их квартир.

Можно найти партизанских подружек,
пару составов пустить под откос.
Но... Буратино, бегущий от пушек —
должен беречь от винтовок свой нос.

Я проиграл все возможные войны.
В мире – осталась одна буква «А».
Те, кто за ней – хороши и спокойны.
Пусть на корню задохнётся война.

Раз неминуемо есть в алфавите
острая «М» и широкая «Щ» —
буковку «А» пусть никто не обидит,
пусть ей хватает щита и меча.

Стой, где стоится, дорожная сумка.
Стой, мы не едем. Ты лучше поспи.
Я разделю с тобой сны недоумка.
Там топоры – за любовь, за Нарспи.

Как тебе нравится эта идея
с неким подобием смысла – в борьбе?
Некуда ехать. Мне вспомнить бы – где я.
Стой, сумка. Стой, как стоится тебе.

«Светилу не нужно ответных лучей...»

Светилу не нужно ответных лучей.
Но, судя по тени – я разве ничей?
У тени мой контур и – небо тепла,
какой бы холодной она не была.

Ночь ночи не просит, ни в дар, ни взаймы,
но выйду я в ночь – и получится «мы»,
никто не увидит меня под крылом,
а мы будем рядом... тогда, и потом.

Потом – это утро, потом – это день,
озябшее небо, и тёплая тень,
за вечером полночь... и тайна крыла,
какой бы крошечной она не была.

Взгляд мечты

Если новости – хлам,
если некуда жить,
и мечты не болят,
словно сам отболел —

то со мной пополам
делит яркую нить
твой пронзительный взгляд
через фотоприцел.

Ты смотри так всегда,
ты смотри так на всех,
ты смотри так на всё,
ты смотри – и пронзай,

и любая мечта —
задрожит, заболев,
заскулит, заснуёт...
Доживёт до конца.

Н. а. с.

Я валяюсь. О, нет, не в грязи... На апрельском снегу!
И прикручен в моём рукаве к трём семёркам цигун.
Интересно, надолго ль?

«Я валяюсь» – ведь так говорят, если дико смешно.
Значит, мне с тобой дико смешно. Ты мне делаешь «...
НО».

Где-то книги над полкой
суетятся, как птицы, готовы лететь и спасать.
Но они – в переплётах и сами, чего им сказать,
на места возвращая?

Если дымное зеркало неба умеренно врёт —
мне твоя полагается ласка, а минимум – лёд.

Посылаю врача я...

Что поделать, никто не пришлёт. Всем спасибо, я сам.

Чудодейственна снежная грязь и приятна глазам.

Неприятна ладоням.

Из подъезда вдруг выпал сто лет незнакомый сосед,
не заметив меня – а меня и по факту здесь нет.

Но зато молодой я.

Если паспорт влиял бы на скорость моей седины —
все счета уже были бы к этому дню сведены.

Я не помню, где паспорт.

Я валяюсь. О, нет, не в грязи... На апрельском снегу!

И ползёт в рукаве по резьбе против часа цигун.
Продолжается сказка.

А

Продайте мне жилплощадь – без единого окна,
и можете забить снаружи дверь, когда войду,
Внутри оставьте бочку полугадкого вина —
мне нужно потреблять хотя какую-то байдю...

Из мебели не надо, кроме бочки, ничего,
Оставьте голый холод, заберите свой химвол.
Не надо электричества – без лампы ярче Бо
левы́е ощущения от стука под ребром.

Без лампы мне заглавной озорная буква А,
которая для вас – лишь алфавитный персонал.
Она же горизонт... Она же неба синева!
И я за ней рванул, и в синеву себя загнал.

В гробу мне тесновато и, опять же, не попить,
пошире бы метраж, но – без единого окна,
с одной дубовой дверью, чтобы вам закрыть-забить,
и с бочкой, полной бочкой полусладкого вина.

Нет буквы в алфавитной иерархии главной,
она печати ставит под «всегда» и «никогда».
Мне важно засыпать – метаясь, думая о ней,

когда совсем усну – переселяйте хоть куда.

Художник всю ночь не спит, разбивает о гамму спектр...

И так на пустом холсте появляется белый свет.

Художник весь белый день продолжает свой чёрный

труд —

отличный от чёрных дел и, как правило, чёрных пут.

Художник – за гранью штор, в ареале трёхглавых лет.

На рыхлом зыбучем песке появляется новый след.

И можно пойти след-в-след, осторожно, как ходит тень.

Художник рисует снег – и одетых тепло детей.

Художник всегда один... В серой дымке трёх главных мечт.

Ты вправе найти его дом, и под кисть его лечь.

Он будет с тобою ласков, как с мокрым телёнком – мать...

Но у мастера нет молока и понятия «просто спать».

Художник всю ночь не спит, разбивает о гамму спектр...

И так на пустом холсте появляется белый свет.

Художник весь белый день продолжает свой чёрный

труд —

отличный от важных дел и, как правило, нужных пут.

От вечного

Я работаю от вечного двигателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.